

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ПЕЧАТНАГО СЛОВА.

Статья вторая.

Доселѣ наша рѣчь шла объ употребленіи печатнаго слова самими пишущими, производителями. Теперь будетъ рѣчь о потребителяхъ, читателяхъ.

Въ наше время можно слышать много рѣчей о правахъ человѣческой личности и, главнымъ образомъ, о правахъ ея на всяческую свободу вообще и на свободу мысли въ частности. Не только люди зрѣлаго возраста, но и подростки имѣютъ въ запасѣ не мало словъ по этому предмету, и словъ хорошихъ: „права разумной личности“, „святое чувство свободы“, „независимость мысли“ и прочая и прочая. Когда наступаетъ нужда перехода отъ этихъ хорошихъ словъ къ практикѣ, то есть, когда приходится надѣлѣ обнаружить и независимость мысли, и любовь къ свободѣ, и уваженіе къ правамъ человѣческой личности: тогда происходитъ удивительное на первый взглядъ и грустное явленіе. Оказывается, что ко всегдашней, будничной, домашней жизни хорошія вышеупомянутыя слова не только не прилагаются, но даже и попеченія о такомъ приложеніи не усматривается. Можно подумать, что какъ нибудь произошло всеобщее тайное соглашеніе дожидаться того времени, когда для приложенія хорошихъ словъ къ практикѣ откроется поприще новое, широкое, а до тѣхъ поръ не тратить высокихъ „идей“ на мелкую обыденную жизнь, не унижать ихъ до толкотни на поприщѣ обычной житейской суеты. Можно подумать, что берегутъ ихъ про тотъ случай, когда или совсѣмъ измѣнится лице земли, или по крайней мѣрѣ вездѣ произрастутъ земскіе соборы.

Въ ожиданіи ли этого времени, или по какой нибудь совершенно иной причинѣ, но только читатели, совершая чтеніе, обыкновенно оставляютъ въ полномъ небреженіи и „независимость мысли“, и „права разумной личности“. Мы привыкли смѣяться надъ тѣмъ процессомъ чтенія, который совершалъ Петрушка Чичикова. До той ступени, на которой онъ стоялъ, современные читатели, конечно, не опускаются: но, какъ хотите, черты сходства, иногда очень отдаленнаго, а иногда и довольно близкаго, все-же замѣтны.

„Нѣтъ ли чего у васъ почитать? У насъ, — такая жалость, — почитать совсѣмъ нечего“. Такія рѣчи можно очень часто слышать не только въ тѣхъ домахъ, гдѣ книгъ нѣтъ, но и въ тѣхъ, гдѣ ихъ очень много. Обыкновенно, такія рѣчи выражаютъ желаніе почитать что нибудь не требующее ни малѣйшей умственной работы. Книги, представляющія это удобство, — по большей части переводные романы и повѣсти, — особенно часто спрашиваются стрижеными и не стриженными барышнями, даже изъ числа тѣхъ, которыя кое-что знаютъ о правахъ „разумной личности и независимой мысли“. И вотъ „разумная личность“ погружается какъ будто въ занятіе, на самомъ же дѣлѣ въ бездѣлье, и нерѣдко проводитъ за нимъ бессонныя ночи. Глаза, скользя, пробѣгаютъ не десятки, а сотни страницъ, память отказывается удерживать въ себѣ даже имена дѣйствующихъ лицъ, умъ бездѣйствуетъ; ни одна мысль не западаетъ въ голову и не пробуждается въ ней. Всѣ впечатлѣнія отъ этого чтенія сводятся или къ восклицанію: „ахъ, какъ это интересно“, или же къ восклицанію: „это совсѣмъ не интересно“! И только! Проведя нѣсколько лѣтъ въ такомъ бездѣлѣ, кандидаты и кандидатки правъ „разумной личности“ обыкновенно утрачиваютъ всякую способность къ чтенію толковому и полезному, тупѣютъ безвозвратно и начинаютъ ближе и ближе родниться съ Гоголевскимъ Петрушкою. Запросъ на матеріалъ для подобнаго чтенія громадный; поставщики требующагося матеріала и пишутъ и переводятъ великое множество книгъ, издають ихъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Очевидно, что многіе читатели и читательницы не сумѣли найти себѣ дѣла, соответствующаго когда-то манившимъ ихъ „правамъ“, и не научились пользоваться печатнымъ словомъ не для бездѣлья.

Едва ли менѣе числомъ, но по своему значенію гораздо важнѣе для производителей печатнаго слова тотъ кругъ читателей, который въ своемъ развитіи не дошелъ до способности давать должную оцѣнку мысли, за то въ значительной степени изощрилъ въ себѣ вкусъ къ бойкимъ, хлесткимъ фразамъ. Отсутствие этой приправы производитъ на многихъ читателей самое не благоприятное дѣйствіе. Съ равнодушіемъ, даже съ неудовольствіемъ, пробѣгаютъ они въ произведеніяхъ печатнаго слова рѣчи спокойныя, доказательныя, но не имѣющія извѣстнаго сорта пряности. На ихъ вкусъ такія рѣчи очень прѣсны. Прилагать старанія къ исправленію вкуса читателей — для многихъ дѣятелей печатнаго слова не подъ силу, а главное, невыгодно. Читатель несетъ подписныя деньги туда, гдѣ изготовляются статьи по его вкусу. И вотъ, въ угоду потребителей раздаются рѣчи, или не столько рѣчи, сколько слова, поглощаемыя съ великимъ аппетитомъ, но въ иныхъ слояхъ читателей принимаемыя только за документъ, свидѣтельствующій о полномъ разладѣ между преобладающими инстинктами читателей и между ихъ же возгласами о „правахъ разумной личности и независимой мысли“. Кому не памяты возбуждавшія восторгъ слова: „мошенники пера“, „разбойники печати“? Ждали и опасались, что со стороны обвиняемыхъ въ отвѣтъ раздастся: „жулики печатнаго слова“! Но ожиданія и опасенія были напрасны и неосновательны, — неосновательны по тремъ причинамъ. Во первыхъ, знакомые съ уложеніемъ о наказаніяхъ правильно думали, что „мошенникъ“ и „жуликъ“ суть синонимы, и что дѣянія, свойственныя лицамъ такихъ наименованій, однаково наказываются только тюремнымъ заключеніемъ, за „разбой“ же полагается по закону каторжная работа. Такимъ образомъ обозваніе „жуликомъ“ послѣ обозванія „разбойникомъ“ составило бы не движеніе впередъ, и даже не сдачу тою же монетою, а движеніе назадъ, регрессъ. Само собою понятно, что слабѣйшая брань не могла производить нужнаго впечатлѣнія на читателей, не могла имъ понравиться послѣ брани болѣе сильной; скорѣе она могла стать для нихъ признакомъ истощенія силъ. Во вторыхъ, область бранныхъ словъ оказывалась уже на столько исчерпанною, что приходилось, идя въ томъ же направленіи, признать рѣшительный недо-

статокъ простора для сколько нибудь развязныхъ движеній; слова, уже пущенныя въ дѣло, непосредственно граничили съ областію словъ непечатныхъ. Входить въ нее не рѣшались по какому то странному предразсудку, а не потому, чтобы читали слово Златоуста противъ сквернословія. Между тѣмъ литературные производители, по всей видимости, могли бы внести цѣнный вкладъ въ эту область и значительно обогатить нашъ домашній русскій обиходъ. Нѣкоторая часть читателей могла бы принять этотъ вкладъ съ шумнымъ сочувствіемъ, даже лучше, чѣмъ приняла „мошенниковъ пера и разбѣйниковъ печати“. Въ третьихъ, поруганные поносными прозваніями имѣли въ виду болѣе обильный уловъ на другомъ полѣ, гдѣ сразу могли попасться два зайца. Это поле представлялъ собою „доносъ“. Одни низводятся въ рядъ доносчиковъ, — одинъ заяцъ, — другіе возводятся въ „мученики идей“, — другой заяцъ. Ловцы зайцевъ не прочь были внушить, что ихъ самихъ почти уже „схватили“, что ихъ почти уже „везутъ“. Можно было слегка подшепнуть: „ратуйте, братцы!“ И вотъ „братецъ“, изъ отдѣла полу-остроухихъ, полу-вислоухихъ, летитъ къ другимъ „братцамъ“, и хотя по дорогѣ не рѣшается схватить городского за шиворотъ, но по прибытіи на мѣсто производить гвалтъ неописанный. Опять идутъ въ ходъ „права разумной личности“, „независимость мысли“, и опять это происходитъ при полномъ отсутствіи всякой разумной мысли, при полномъ рабствѣ всякому звонкому слову.

На другой ступени стоитъ еще рядъ мнимыхъ поборниковъ свободной, независимой мысли. Это—читатель съ твердыми, повидимому, и опредѣленными сужденіями. Онъ не увлѣкается всякимъ вѣтромъ ученія; недоумѣнныхъ вопросовъ для него нѣтъ. Онъ охотно дѣлится своими взглядами, и даже не безъ литературной отдѣлки пускаетъ ихъ въ оборотъ среди разговора. Онъ не прочь даже и въ письмахъ къ знакомымъ провести тѣ или другіе взгляды. Однимъ словомъ, человѣкъ, повидимому, не мало кое о чемъ думалъ, не мало выработалъ сужденій и самымъ дѣломъ проявляетъ „права своей разумной личности“. Совсѣмъ бы хорошо! Но при ближайшемъ разсмотрѣніи положенія дѣль открывается, что передъ нами находится ни въ чемъ неповинная труба, чрезъ которую льются того или другаго цвѣта чужія струи.

Своего — ничего, все чужое. Успѣла эта труба принять въ себя изъ облюбованнаго, по большей части случайно, органа печати тѣ или другія мысли: и эти мысли изливаются на другихъ не скуднымъ потокомъ. Не успѣла принять, не прочитанъ нумеръ газеты или журнала: и все пусто, въ головѣ — ни одной мысли, ни одного вопроса, кромѣ остатковъ отъ вчера или въ прошломъ мѣсяцѣ вычитаннаго, но уже значительно выдохшагося. Принялъ ~~не~~ выдалъ, получилъ — отдалъ; а не принялъ, не получилъ: выдать совершенно нечего; за душою — ничего. Этому рабу непремѣнно пужень хозяинъ; говоря проще, ему нужна одна газета, одинъ журналъ, изъ которыхъ втекали бы въ него тѣ или другія мысли, — втекали и вытекали, даже не замачивая краску. Читать двѣ газеты, два журнала разныхъ направленій — собьешься; опредѣленность и твердость возрѣній пропадутъ совершенно. И вотъ этотъ плѣнникъ создаетъ себѣ фетиша и съ достойнымъ лучшимъ помещенія усердіемъ покланяется и служитъ ему. Въ психологическомъ отношеніи здѣсь достойно примѣчанія то, что совершая служеніе своему фетишу, покланяющійся ему находитъ, что сужденія его божка сходятся съ его *собственными* сужденіями. Еще бы не сходиться! Въ психологическомъ же отношеніи еще болѣе интереса представляетъ у читателей описываемаго вида степень ихъ увѣренности въ свободѣ и независимости своихъ сужденій. Читатели, наклонные подпадать такимъ наводненіямъ, составляютъ для производителей печатнаго слова сущій кладъ: до конца дней своихъ они будутъ оставаться вѣрными подписчиками и точными отголосками возрѣній, проповѣдуемыхъ тѣми или другими дѣятелями печатнаго слова. Читатели фетишей нерѣдко доходятъ до того, что не могутъ равнодушно даже говорить, — о чтеніи уже и поминать не зачѣмъ, — о дѣятеляхъ котораго нибудь изъ чужихъ лагерей. На людей, читающихъ не Петрова, а Гаврилова, они смотрятъ или съ сожалѣніемъ, или съ негодованіемъ, а иной разъ даже видятъ въ нихъ людей пропащихъ.

Доселѣ наша рѣчь шла о читателяхъ — добровольцахъ, которые могутъ читать то или другое, могутъ даже и совсѣмъ прекратить всякое чтеніе. Есть другіе читатели, которые имѣютъ обязанность читать, и уклониться отъ ея исполненія могутъ не иначе, какъ только по выходѣ въ отставку, или послѣ перехода на другое служебное поприще. Разумѣю читателей, обязанныхъ руководствоваться въ своемъ чтеніи не личнымъ вкусомъ, или личными потребностями, а уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, однимъ словомъ — читателей съ четырнадцатымъ томомъ Свода законовъ въ рукахъ.

Наряду съ проявленіями потребности свободно выражать свою мысль въ словѣ стоятъ издавна проявленія потребности ставить помѣхи этому стремленію. Потребность ограничивать, въ частности, свободу печатнаго слова приводила въ разныя времена и въ разныхъ государствахъ къ созданію весьма разнообразныхъ учреждений и къ изданію разнообразныхъ законовъ. При всемъ разнообразіи таковыхъ учреждений и законовъ, существо ихъ было всегда одинаково: всѣ они исходили изъ стремленія сократить область дѣйствованія печатнымъ словомъ и указать для нея тѣ или другія границы. Границами обыкновенно оставались недовольны заинтересованныя лица, искали прирѣзки, а иногда и совсѣмъ отвергали право указывать имъ какія бы то ни было границы. Тяжба между правомъ рѣчи и правомъ сокращать или прекращать ее — тяжба давняя. Намъ хотѣлось бы вставить свое слово въ этотъ давній споръ.

У насъ нѣтъ ни охоты, ни нужды извлекать изъ стараго и не стараго прошлаго то увеселительные, то огорчительные образчики утѣсеній печатнаго слова. Читатели одной даже только, достопочтенной „Русской Старины“ получили по этой части не мало любопытнаго отечественнаго матеріала. Точно такъ же нѣтъ у насъ ни охоты, ни нужды рыться въ своихъ воспоминаніяхъ и на основаніи ихъ доказывать, что наши отечественные поборники свободы мысли вообще, и свободы печатнаго заявленія ихъ въ частности, грѣшили противъ грамматики. Грамматическая погрѣшность ихъ заключалась собственно въ томъ, что они употребляли имя прилагательное тамъ, гдѣ нужно было ставить мѣстоименіе притяжательное. Ратуя за права *человѣческой* мысли, разу-

мѣли подъ нею исключительно *свою* собственную мысль, забывая, что и любой Аттла есть тоже пламенный поборникъ свободы, но только своей собственной; за „свободу“ съ мѣстоименіемъ притяжательнымъ, — только, конечно, не втораго лица, — и онъ стоитъ крѣпко. Иной читатель благо времени, напр. читатель „Современника“ въ періодъ полного разгула „свистопляски“, или читатель „Русскаго Слова“, время Писарева, не безъ смущенія помышлялъ о томъ, что произошло бы, если бы въ руки этихъ поборниковъ свободы попала сверху или снизу власть производить взысканія въ области печатнаго слова. Пишущей братіи пришлось бы плохо, и, можетъ быть, со слезами стала бы она вздыхать о счастливыхъ временахъ грошеваго самодурства какого нибудь цензурнаго Держиморды. Могли бы появиться костры, на которыхъ стали бы сжигать не только книги священные, но и произведенія россійскихъ авторовъ, до Пушкина включительно. Далекое обогнали бы на этомъ поприщѣ своихъ западныхъ руководителей и, по всей вѣроятности, даже обозвали бы ихъ щенками и молокососами.

Не въ подобныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, увлеченіяхъ въ томъ или другомъ направленіи, въ направленіи ли, ведущемъ къ сожженію священныхъ книгъ и истребленію иконъ, или въ направленіи, доводящемъ до взысканій за „вольный духъ“ въ кухонныхъ печахъ, — не въ такихъ увлеченіяхъ нужно искать исходной точки и опоры для твердаго слова, какое мы желали бы внести въ давній споръ между правомъ свободной рѣчи и правомъ налагать на уста узду молчанія. Есть положенія безспорныя, имѣющія за собою математически точныя доказательства. Намъ хотѣлось бы основать свое слово именно на такихъ положеніяхъ.

Свобода печатнаго слова существовать не должна. Сказано что-то, какъ будто очень странное, а на самомъ дѣлѣ совершенно вѣрное.

Едва ли найдутся охотники спорить противъ того положенія, что люди могутъ совершать различныя дѣйствія при помощи различныхъ органовъ тѣла, могутъ дѣйствовать руками, ногами и разными другими частями тѣла, между прочимъ и языкомъ. Употребленіе языка есть дѣйствіе.

Печатное слово есть языкъ, вытянувшійся до непомяр-

пой длины, при которой олъ достаетъ до всѣхъ людей, въ какомъ бы концѣ земнаго шара они ни находились; иначе сказать, звуки этого длиннаго языка могутъ быть слышны во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть человѣческія уши. И употребленіе печатнаго длиннаго языка есть дѣйствіе.

Дѣйствія людей могутъ быть и хороши, и худы, и безразличны. Въ частности и дѣйствованіе языкомъ можетъ быть и хорошо, и худо, и безразлично.

Худыя дѣйствія однихъ могутъ быть для другихъ и полезны, и вредны, и безразличны.

Вродныя для другихъ дѣйствія должны быть и пресѣкаемы, и наказуемы *).

Пресѣченіе вредныхъ дѣйствій и наказаніе за нихъ могутъ быть совершаемы или личною расправою потерпѣвшаго, или самосудомъ добровольныхъ заступниковъ за него, или правильно организованнымъ судомъ.

Личная расправа и самосудъ въ благоустроенномъ обществѣ не терпимы. Они суть самоуправство, незаконно вторгающееся въ область функцій государственнаго организма.

Итакъ, печатное слово должно подлежать дѣйствію того же государственнаго закона, которому подлежатъ и другія дѣйствія людей; иначе сказать, „свобода печатнаго слова существовать не должна“. Если читателю не нравится эта форма моей мысли, то можно замѣнить ее другою: „никто не имѣетъ права безнаказанно говорить въ печати все, что ему вздумается“. Свобода сказать все, что вздумается, остается за каждымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой она остается за каждымъ, рѣшающимся на то или другое преступленіе. Каждый имѣетъ свободу обокрасть, поджечь, зарѣзать: но, совершивъ одно изъ таковыхъ и подобныхъ дѣйствій, онъ неизбежно долженъ подвергнуться и наказанію. Напечатай что угодно, но будь готовъ понести и наказаніе, какое по закону должно будетъ воспослѣдовать.

Безъ суда никто не долженъ быть наказанъ.

Хотя это положеніе и съ трудомъ пробивало себѣ дорогу ко всеобщему признанію своей правильности и законности: но главнѣйшія трудности оно почти вездѣ уже преодолѣло. Открытыхъ противниковъ оно среди народовъ образованныхъ

*) Раскрытіе этого положенія требуетъ парочитой статьи.

едва ли гдѣ встрѣчаетъ, по безъ скрытныхъ противниковъ обойтись еще не можетъ. Причина этого понятна. Въ средѣ людей, склонныхъ увлекаться стремленіемъ къ властвованію, въ началѣ движенія ихъ къ вождѣнной цѣли дѣйствуетъ съ силою напряженная заботливость объ охраненіи въ возможныхъ для нихъ предѣлахъ своихъ „правъ“. Протесты устные, письменные и печатные, начиная съ болѣе или менѣе невинныхъ агитацій по кухонному, чайному, одежному и тому подобнымъ вопросамъ среди учащихъ сотоварищей и кончая, на тѣхъ же низшихъ ступеняхъ, неустанною бѣготнею по знакомымъ и незнакомымъ съ тѣми или другими рѣчами, суть неизбежныя проявленія напряженной заботливости объ охраненіи своихъ „правъ“. По благополучномъ достиженіи болѣе или менѣе властнаго положенія то же самое стремленіе вызываетъ у „благородныхъ честолюбцевъ“, „стоятелей за правду“, „ноборниковъ общественныхъ интересовъ“, „охранителей своего достоинства“, — много есть хорошихъ словъ, выбирайте любое, — вызываетъ устремленіе любочестивыхъ взоровъ не столько на верхъ, особенно если до самаго верху осталось не очень много ступеней, сколько внизъ. Внизу вновь пародившіеся молодые протестанты тоже начинаютъ напрягать свои дуги къ небсамъ. Болѣе старые протестанты по тѣмъ же личнымъ интересамъ обращаютъ въ свою очередь стрѣлы свои внизъ, для сострѣлянія сопровитныхъ. Такова должна быть первая половина психологическаго истолкованія зарожденія рѣдко предаваемыхъ гласности протестовъ противъ положенія: „безъ суда никто не долженъ быть наказанъ“. Вторая половина подобна ей: ибо обѣ половинны состоятъ въ кровномъ родствѣ. Хотя нигдѣ не слышно было попытки придать вполнѣ опредѣленныя и точныя черты ученію о приумноженіи мудрости пропорціонально восхожденію по ступенямъ общественной лѣствицы, или пропорціонально умноженію числа лѣтъ жизни: но это ученіе имѣетъ много искреннихъ, хотя и сокровенныхъ, приверженцевъ, исповѣдующихъ его въ глубинѣ своихъ сердецъ. Понятно, что при такихъ вѣрованіяхъ первоначальная исторія своего восхожденія легко забывается, и молодые подражатели нашего собственнаго дѣйствованія не только не возбуждаютъ нашей симпатіи, но даже и вызываютъ раздраженіе, которое находитъ себѣ ис-

ходъ въ протестахъ, не облеченныхъ въ формы слова, но тѣмъ не менѣе весьма реальныхъ,—въ протестахъ противъ положенія: „безъ суда никто не долженъ быть наказанъ“.

Кромѣ психологическаго основанія есть еще весьма важное историческое основаніе, на которомъ зиждется стремленіе протестовать въ доступныхъ размѣрахъ противъ положенія, что безъ суда никто не долженъ быть наказанъ. Исторія не любитъ скачковъ, а предпочитаетъ медленное шествованіе къ предопредѣленнымъ цѣлямъ. Исключенія изъ этого правила не долженъ составлять и XIX вѣкъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія очень нерѣдки были, по крайней мѣрѣ въ нашемъ отечествѣ, случаи быстрой, основанной на личномъ усмотрѣніи, расправы съ разными лицами, чѣмъ либо прогнѣвавшими того или другаго милостивца. Проволочекъ не любили. „Выдрать на конюшнѣ“, — и дѣлу конецъ. Къ половинѣ нынѣшняго столѣтія случаи сокращеннаго судопроизводства были уже нѣсколько рѣже. Затѣмъ послѣдовало освобожденіе весьма значительнаго количества лицъ отъ обязанности отправляться на конюшню, и привычная форма, въ которую такъ часто облакалось рѣшеніе того или другаго властнаго въ своемъ углу лица, должна была выйти изъ употребленія. Вышла изъ употребленія привычная форма: по нужно же для исторіи время и на то, чтобы успѣлъ утратиться тотъ духъ, который жилъ въ этой формѣ; нужно время для отвычки къ расправѣ по личному усмотрѣнію. Привыкнуть къ пріятному можно легко и скоро, а отвыкать отъ него трудненько.

Само собою понятно, что ни психологическое, ни историческое основаніе для сопротивленія правилу: „безъ суда никто не долженъ быть наказанъ“ не представляютъ удобства къ откровенной защитѣ того юридическаго міросозерцанія, которое подъ ними таится. Много легче и удобнѣе искать для этого міросозерцанія опоры въ положеніи: „нѣтъ правилъ безъ исключенія“. Можно не безъ надежды на успѣхъ пытаться достигнуть благоприличной обстановки для мысли, что область печатнаго слова именно и есть та самая область человѣческаго дѣйствованія, которая должна стоять внѣ общаго правила, должна составлять исключеніе. По гибкости, въ потребныхъ случаяхъ, нашей мысли можно ходить разными путями къ намѣченной на этотъ разъ цѣли.

Можно сосредоточить свое вниманіе на трудности удовлетворительной кодификаціи для разнообразныхъ прегрѣшеній, въ которыя можетъ впадать длинный языкъ, именуемый печатнымъ словомъ. Безгранична область предметовъ, могущихъ стать матеріаломъ для упражненій нашей мысли. Безгранична, слѣдовательно, и возможность нашихъ прегрѣшеній по отношенію къ предметамъ, такъ или иначе задѣваемымъ крючкомъ нашего мышленія. Предусмотрѣть всякій предметъ, могущій дать работу нашей мысли, и опредѣлить достодолжное наказаніе за неправильное и ко вреду другихъ направленное обращеніе со всѣми таковыми предметами: такую задачу не можетъ взять на себя ни одинъ законодатель. А если возьметъ: то неизбѣжно долженъ пасть подъ тяжестію взятаго на себя бремени. Таковъ первый путь.

Прократить всякую возможность дальнѣйшаго движенія по этому пути очень легко. Достаточно вспомнить, что ни одинъ законодатель, хотя бы на примѣръ по отдѣлу о воровствѣ, нисколько не обязанъ исчислять всѣхъ предметовъ, могущихъ попасть въ разрядъ вещей крадомыхъ. Какъ въ законахъ о воровствѣ всякій предметъ кражи можетъ быть подведенъ подъ общее понятіе чужой собственности: такъ легко могутъ быть найдены и другія общія понятія, подъ которыя подойдутъ всѣ предметы, могущіе послужить матеріаломъ для печатнаго слова. Кромѣ того, очень легко выдѣлить, при помощи тѣхъ же обычныхъ приѣмовъ челоувѣческаго мышленія, громадную область предметовъ, относительно которыхъ какъ ни разсуждай, ни въ какое прегрѣшеніе, кромѣ совершенно безвредной для кого бы то ни было ошибки, не впадешь.

Пытаясь пройти по тому же пути, можно свернуть на другую тропу. Гибокъ и лукавъ бываетъ умъ челоувѣскій. Вслѣдствіе этихъ его качествъ трудно законодателю предусмотрѣть всѣ извороты, при помощи которыхъ производители печатнаго слова будутъ ухитряться облекать свои здовредныя мысли въ оболочку столь склизкую, что служители Оемиды по неволѣ будутъ упускать ихъ изъ рукъ. Много такого, за что надлежало бы привлечь къ потребной отвѣтственности, останется безъ должнаго возмездія. Въ нальчикахъ Оемиды недостаточно тонко развито чувство

осязанія: они привыкли работать надъ предметами твердыми, а не рыхлыми, не разлетающимися при неосторожномъ прикосновеніи къ нимъ, не улетучивающимися при точномъ анализѣ ихъ. Можетъ не разъ случиться, что зловредный запахъ тонкимъ обоняніемъ будетъ примѣченъ, а анализу не поддастся, и дѣло пройдетъ благополучно для виновника того или другаго запаха. Это другая тропа той же дороги.

По ней далеко уйти нельзя по той простой причинѣ, что ядъ, не поддающійся никакому анализу, не страшенъ по самой неуловимости. Запахъ его, ощущаемый только особымъ обоняніемъ, будетъ пропадать безслѣдно по причинѣ грубости всѣхъ остальныхъ носовъ, неспособныхъ дать своимъ обладателямъ даже и малѣйшихъ указаній на присутствіе какого-то сторонняго запаха. Иначе сказать, рѣчи, не дающія уловимаго вреднаго смысла, не могутъ имѣть и вреднаго значенія для читателей: читатели неизбежно останутся и слѣпы и глухи къ тѣмъ внушеніямъ, которыхъ не могутъ ни слышать, ни разглядѣть. За читателей тѣмъ болѣе можно не беспокоиться, что по смыслу разбираемаго разсужденія даже и судъ ничего вреднаго въ упоминаемыхъ случаяхъ разглядѣть и разслушать не можетъ. При такомъ положеніи дѣлъ скорѣе можно обратить опасенія въ другую сторону, именно предположить, не произошло ли болѣзненное расширеніе зрачковъ отъ излишняго напряженія зрѣнія у самихъ открывателей того, что остается утаеннымъ и для читателей и для суда?

„Но вы забываете, что такое нашъ судъ. Это судъ уличной толпы. Вспомните Вѣру Засуличъ“, и за этимъ примѣромъ могли бы политься прочіе „глаголы“, которые не менѣе раза въ недѣлю не безъ успѣха вбиваемы были даже въ самыя неподатливыя головы. Мы заучили ихъ такъ твердо, что безъ всякаго отягощенія могли бы наполнить ими нѣсколько страницъ: но удерживаемся отъ этого по той причинѣ, что для насъ это совѣмъ не нужно. Мы предпочли бы отводить будущимъ „мошенниковъ пера или разбойниковъ печати“ не въ Окружный Судъ, а въ Судебную Палату, или въ какое либо новое учрежденіе не меньшаго значенія, не меньшей обязательной силы.

За устраненіемъ благовидныхъ возраженій противъ положенія: „безъ суда никто не долженъ быть наказанъ“, оста-

ются въ запасѣ нѣкоторыя практическія соображенія, имѣющія, можетъ быть, и не малое значеніе въ смыслѣ житейскаго удобства, но не имѣющія никакого значенія передъ судомъ правды и разума.

„Ограниченіе взысканій за проступки печати одними судебными взысканіями слишкомъ развяжетъ руки печати. Чего теперь не посмѣютъ сказать изъ опасенія административныхъ взысканій, о томъ будутъ говорить смѣло, если будутъ увѣрены, что по суду они окажутся правы“. Такъ и должно быть. Пусть для правды дорога будетъ пошире, а для неправды пусть она будетъ поуже. На долю неправды и безъ того выпадаетъ много преимуществъ: ей служатъ хитрость, ловкость, умѣнье хоронить концы, корысть и великій сонмъ прочихъ нашихъ слабостей. Безъ союзниковъ она не останется, и жить ей еще можно будетъ. Можетъ быть, число незаслуженныхъ похвалъ нѣсколько сократится, а число справедливыхъ порицаній нѣсколько поувеличится. Но простора для первыхъ все же останется много и не утратитъ своего значенія то наблюденіе, что переносимъ мы самыя несправедливыя похвалы гораздо легче, чѣмъ переносимъ самыя справедливыя порицанія.

Есть люди, наклонные разсуждать такъ, что правда, конечно, хороша: но что иногда она создаетъ „практическія затрудненія“, что раскрытіе даже истины исторической, археологической и тому подобной ставитъ иной разъ въ неловкое положеніе и людей, и даже цѣлыя учрежденія. А по моему такъ: если я увѣрился, что мнѣ подсунули фальшивыхъ двугривенныхъ, то я не стану сбывать ихъ извозчикамъ, а лучше отдамъ ихъ ребятамъ на свипчатки.

II. Горскій-Платоновъ.